

Цена 10 коп.

17 Декабря 1905 г.

№ 1.

ТЕКНИКА

Журналъ Литературно-
сатирическій, остроумный и правдивый

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Выпуская первый номеръ нашего журнала, мы просимъ у читателей снисхожденія за промахи, присущіе началу каждаго дѣла.

Ред.

Щука и Ершгь.

(Побасенка).

Замѣтивъ подь плотомъ
Ерша,
Къ нему тотчасъ
Изъ камыша
Зубастая юкнула Щука
И думаетъ: — «Вотъ штука,
Закуска-то вѣдь очень хороша!
Какъ жаль,
Что попросту нельзя къ Ершу пробраться:
Вѣдь онъ вертлявъ,
Колючъ притомъ...
Что дѣлать?»
Какъ-нибудь да надо постараться
И взять Ерша не силой,
Такъ умомъ». —
И вотъ,
Принявши видъ смиренный,
Она Ершу поклоны шлетъ
И рѣчь лукавую ведетъ:
— «Будь здоровъ,
Мой Ершикъ драгоценный!
Какъ рада видѣть я тебя!

Ты знаешь, общество любя,
Я въ одиночествѣ отъ скуки
Терплю ужаснѣйшія муки;
Межъ тѣмъ судьбой осуждена
Повсюду вѣчно быть одна!..

Ахъ, Ершикъ мой!
Когда-бъ, узнавъ
Мою наивность,
Тихій нравъ,
Ты поспѣшилъ ко мнѣ въ объятья,
Съ тобою жили-бъ мы, какъ братья.

— «Ой, Щучка милая моя,
Хоть и пріятна рѣчь твоя, —
Ей отвѣтилъ Ершикъ смѣло, —
Но слушать мнѣ тебя не дѣло!
Къ чему,
Скажу я не въ укоръ,
Ведѣмъ
Мы праздный разговоръ?
Коль нѣтъ въ твоихъ рѣчахъ безстыдства,
Въ поступкахъ злобы и ехидства,
Коль ты наивна
И проста,
Такъ обними меня
Съ хвоста!»

Сей басни мысль ясна:
Хоть Щука и сильна,
Да и муара притомъ,
Но все-жъ, подчасъ, она
Не справится съ Ершомъ!

В. Б—до.

Передъ выходомъ.

По счету нашъ юмористическій журналъ 87-й изъ всѣхъ народившихся за послѣдніе мѣсяцы; вслѣдъ за нами навѣрное народятся еще 187 и всѣ они при выходѣ въ свѣтъ будутъ говорить о томъ, что и что читатели найдутъ у нихъ.

Позвольте быть исключеніемъ и говорить про то, чего и чего не будетъ у насъ.

Во первыхъ, шаяя читателей, мы избѣгаемъ всякихъ площадныхъ, безшабашныхъ каррикатуръ даже на тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые явно провинились передъ отечествомъ.

Во вторыхъ, напрасно кто либо сталъ бы искать у насъ пасквильнаго остроумія, того остроумія, которое явно возмущаетъ каждаго порядочнаго человѣка, къ какой бы политической партіи онъ не принадлежалъ.

Въ третьихъ, долой всякую порнографію, приланутую за волосы къ политикѣ??

Передъ выходомъ въ свѣтъ перваго номера звонки раздавались то у редакціонныхъ дверей, то у телефоннаго аппарата.

— Редакція „Сѣкиры“? — спрашиваютъ по телефону. — Скажите, у васъ выйдетъ только одинъ номеръ или журналъ будетъ выходить еженедѣльно?

— Еженедѣльно.

— Ручаетесь ли?

— Ручаться теперь ни за что нельзя, но мы приняли двѣ мѣры: бороться со зломъ только въ приличной формѣ сатиры и юмора и давать читателю только то, что дѣйствительно удовлетворяло бы его нравственно.

— Не мѣшало бы вамъ всетаки имѣть про всякій случай 10,000 наличныхъ.

— Мерси за совѣтъ.

На этомъ кончился нашъ разговоръ.

Черезъ три минуты опять звонокъ у аппарата.

— Редакція новаго журнала?

— Да.

— Почему журналу дано названіе „Сѣкиры“?

— Сѣкира оружіе обоюдоострое.

НЕДАВНО ЭТО БЫЛО...

(воспоминания городского).

— Ну, времячко настало!.. Просто, хоть зубы и шашку на полку клади: не жисть, а одна мерзость!..

И во всем виноваты гуманность и либерализм, будь они трижды прокляты и будь прокляты тот, кто это выдумал!

Ведь еще недавно катились мы, словно сыр в масле, оть одного слова „горрдовой“ волюсть у обывателя дыбом вставал, а теперь что: при словѣ „горрдовой“ плюются!

Теперь:

Лежить на улицѣ пьяненькій, безчувственный. Берешь это ты его при помощи дворника ласково-осторожно подь руки, усаживаешь в пролетку и везешь вь участок; там, вь участок, счась это кладешь его на коечку и оставляешь пропастись до полного протрезвления, до слѣдующаго утра. На утро, удостоверьшись по телефону личность и— на всѣ четыре стороны!

А прежде:

Лежить на улицѣ пьяненькій, безчувственный. Первое дѣло— уши ему натирать, да натирать до тѣх пор, пока у него уши вперед не завертываются. Ежели это не помогает, то за ноги и— волочи при помощи дворника до участка. А вь участок первая задача удостоверити личность. Тогда для этого другой телефонъ былъ. Хорошій телефонъ!

— Безчувственный?—спрашивает околдощный

— Безчувственный-сь.

— Идакiewicz!

Летит дежурный писарь.

— Что прикажете?

— Скипидару!

А скипидаръ вь то время вь участкахъ четвертими держался и не токмо кто человѣка, а свинью смаж, такъ и та фамилию свою называет... Безчувственный-то раза четыре перевернется съ живота на спину, со спины на животъ и отвѣтитъ:

— Не губите, я Сидоръ Морохинъ. Живу тамъ-то и тамъ-то...

— Что же изъ этого?

— А то, что мы далеки отъ узкой партійности; провинился ли сановный бюрократъ, провинился ли сперхъ— либераль, — пожалуйста на сцену!

— Не притупилась бы ваша „Съкира“ отъ такой работы?

— Она отачивается штабомъ художниковъ и писателей.

— Не оставьте своимъ вниманіемъ „черносотенцевъ“.

— Напрасно просите: церемониться не будемъ.

Проходить еще пять минутъ и вь редакцію заявляется пѣлая толпа.

— Господа, что угодно?

— Ради Бога, выслушайте!

— Къ вашимъ услугамъ.

— До сихъ поръ во всѣхъ журналахъ былъ громадный пробѣлъ: ни зачто недопускали высказываться читателямъ до ихъ желаній освѣтити то или другое не было никакого дѣла. Разрѣшите намъ время отъ времени сообщать о грѣшкахъ домовладѣльцевъ, купцовъ, гласныхъ, клуб-

Ну, извѣстно, сапоги и спинжакъ съ него долой, и ступай на всѣ четыре стороны.

Вотъ это былъ телефонъ!

А теперь что: какая-то церемонія!

Пріятно было старому городскому и „на жиди сидѣть“.

Вы не знаете, что такое значило „на жиди сидѣть“? Это, видите-ли, обозначало дежурити на вокзалахъ, ожидая прихода пассажирскихъ поѣздовъ, чтобы задерживать прѣбавшихъ вь столицу евреевъ. Доходно и уморительно было!.. Дежурить это, примѣрно, на Варшавскомъ вокзалѣ; варшавскаго жиди сразу узнать можно: на немъ непременно бархатный картузь и опять же онъ, словно ночная бабочка, самъ на огонь лѣзетъ: прямо на тебя прегъ и пять рублей вь кулакъ тычетъ. Южный еврей, — того, какъ рыбину, на приманку ловить надо было: поставивъ недалеко отъ себя двухъ жидовъ и заставивъ ихъ разговоръ разговаривать и руками махать, а адесскій, кишиневскій или ростовскій еврей, выползши изъ вагона безпрестанно лѣзуть къ нимъ. Счась это его за жабры и: давай красненькую, или вь участокъ. Балтійскаго еврея, — того мережкой ловили: юркій! Отцѣпишь вокзалъ и ловишь...

Не то теперъ, не то: пьяного везешь вь участокъ, смотришь, чтобы у него позвоношникъ не хрустнулъ. а жиди поймаешь, — не смѣй его даже ногой вь живое мѣсто вдарить.

Видно, къ свѣтопреставленію!..

Г.

Бредовитъ?

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОТДЫХЪ.

Купецъ. Завтрева послушаю воскресенья лавку совсѣмъ не открывать.

Приказчики. Спасибо дорогой хозяинъ!

Купецъ. Дайте договорити! Ты, Хмыровъ, поѣдешь на почту посылки сдать; ты, Ивановъ, займешься у меня дома булгахтеріей; ты, Исаевъ, съ моимъ сынишкой рихметику пролеперируешь, а ты, Куриловъ, поѣдешь ко мнѣ на дачу, посмотришь не запиль-ли сторожъ и все-ли тамъ вь порядкѣ.

ныхъ игроковъ и т. д. Политика политикой, а общественная жизнь сама по себѣ.

— Сдѣлайте, господа, одолженіе, но помните два условія: кратко и побольше соли! Редакція рѣшила сама идти на встрѣчу этому желанію и все, что достойно, будетъ использовано.

Откланялись и ушли.

„Трррр!...“ — раздается у телефона.

— Откуда?

— Изъ Москвы.

— Что угодно?

— Не забудьте насъ и провинцію!

— Нѣтъ-нѣтъ.

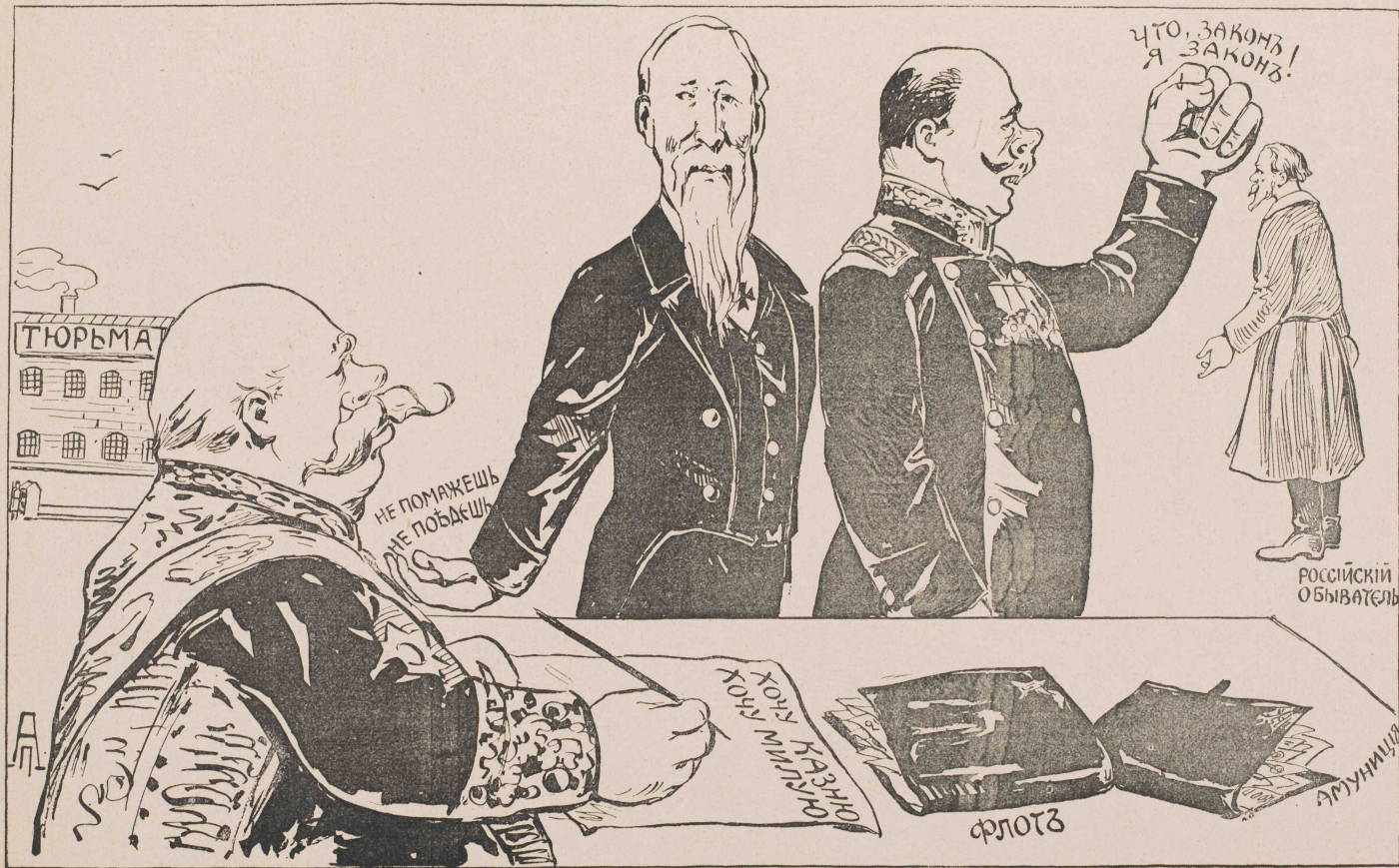
— Изъ типографій требуютъ послѣдній матеріалъ для журнала, — докладываетъ прислуга.

— Готово, готово; вотъ, отдайте! — протянули мы эту рукопись.

Факиръ.

Бредовитъ-ли?

Кие. Востокъ № 1.

Име. Ассамблея Р.

ДВА ОТЧЕТА БИРЖИ ЗА ОДИНЪ И ТОТЪ-ЖЕ ДЕНЬ.

1. *Отчетъ газетнаго хроникера, играющаго на повышенье.*

Не смотря на послѣднія событія, настроеніе на биржѣ было весьма радужное и приподнятое. Очевидно, биржа не придаетъ никакого значенія самозванному правительству. Фонды хорошо спрашивали. Дивиденды требовали, при чемъ нефтяныя прямо рвали. Вексельный курсъ сверхъ-превосходный. На площадкѣ ни одной кислой физиономіи.

2. *Отчетъ газетнаго хроникера, играющаго на пониженіе.*

Благодаря послѣднимъ событіямъ, настроеніе на биржѣ удрученное, пришибленное, прибитое. Лучше не ходи на биржу! Фонды тррахъ-тараррахъ-бумъ-бихъ-бахъ!! Съ дивидендными ровно никакихъ дѣлъ! Нефтяныя рвали на части... вслѣдствіе того, что онѣ уже ничего не стоятъ! Вексельный курсъ убійственный! Гевалдъ, что будетъ завтра?!!

Ирь.

Максимъ и босякъ.

(Шутка).

Что можетъ быть ехиднѣе змѣи сатиры?

У Горькаго Максима изъ квартиры

Босякъ бѣлье стацилъ,
Но тотчасъ пойманъ былъ.

— „Постой, подлецъ! тебѣ спущу я шкуру!“ —

Вскричалъ Максимъ,
И вслѣдъ за симъ,

Явивъ собою дикую натуру,
Онъ босяка, что было силъ,
По скуламъ съ размаху хватилъ.

— „Ну, братъ, не ожидай!?!“ —

Босякъ ему сказалъ —
И это ты?? (О, мой Спаситель!!)
Ты Горькій?... Ярый покровитель
Всѣхъ босяковъ и каторжанъ!?!“

— „Молчи воришка и балванъ!“ —

Вновь зарывалъ писатель лютый, —
И, знай бродяга необутый,

Что воленъ всякъ про все писать,
А такъ какъ писать поступать
Онъ на юту не обязанъ!

Ты это, друже, твердо знай!
Ну, а теперь... Скорѣй ступай,
Пока полицій не связанъ!!!“

Вѣна.

Климъ?

У ХУДОЖНИКА-ДЕКАДЕНТА.

— Простите великодушно: нечаянно я сѣлъ на вашу палитру съ красками.

— Ничего не значить, только позвольте мнѣ вырѣзать тотъ кусокъ сукна, которымъ вы сѣли: я вставлю его въ рамку, назову „Весна въ селѣ“ и помѣщу на выставку.

Нашъ.

Отецъ и дѣти.

— Костя, въ гимназію иди!
— Бастую, папенька.
— Вася, на уроки!
— Бастую.
— Гриша на службу!
— Бастую!
— Чортъ возьми, такъ и я забастую!
— Нѣтъ, папенька, не смѣйте, а то мы съ голода умремъ.

Н.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

До свѣдѣнія почтеннѣйшей петербургской домашней прислуги симъ доводится обѣ

открыти бюро личнаго выбора хозяень.

Личный выборъ будетъ производиться ежедневно въ слѣдующемъ порядкѣ:

Хозяйки, нуждающіяся въ нянкахъ, горничныхъ и кухаркахъ, приходятъ въ бюро, оставаясь тамъ съ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера.

Каждая хозяйка должна имѣть аттестатъ отъ прежней прислуги своей и свидѣтельство о добронравіи.

Прислуга, нуждающаяся въ хозяйкѣ, можетъ являться въ бюро въ тѣ-жѣ, вышеозначенные часы.

На всѣ вопросы прислуги хозяйка должна отвѣчать вѣжливо и точно.

Каждая хозяйка платитъ за записъ 1 рубль.

Прислуга, выбравъ хозяйку, платитъ за это 30 к., имѣя право три раза въ теченіи первыхъ семи дней мѣнять хозяйку бесплатно.

За хозяекъ могутъ являться и мужья ихъ, но съ объясненіемъ уважительныхъ причинъ.

Бюро не отвѣчаетъ за честность прислуги, но о добронравіи хозяекъ наводитъ самыя подробныя справки. Конечно, при такихъ условіяхъ вопросъ о прислугѣ разрѣшается въ самомъ благоприятномъ смыслѣ.

Директоръ бюро

фонъ-Фокусъ.

Бредомъ?

Письмо къ дѣдушкѣ-морозу.

Не ты ли шведовъ выгонялъ
Съ російскихъ береговъ
И ихъ навѣки зарывалъ
Подъ тяжестью снѣговъ?
И на поляхъ чужой страны
Нашли, подъ вьюги вой,
Блестящей Франціи сыны
Послѣдній свой покой.

Не ты-ль метелью завывалъ
У Крымскихъ береговъ
И нашу землю охранялъ
Отъ полчища враговъ?

И турокъ сильно ты давилъ
Среди Балканскихъ горъ,
Когда ты ночью обходилъ
Обычный свой дозоръ...

Дѣдушка, русской морозъ!
Много ты пользы принесъ:
Родину нашу спаси еще разъ
Выморозъ ты чужедную мразь!

Обыватель.

Бредомъ?

Этакий непонятливый!

(Картинка съ натуры).

Канцелярія.

— Не вы ли помощникъ дѣлопроизводителя?

— Да, это я. Что прикажете?

— Осмѣлюсь побеспокоить... Нарочно прѣѣхалъ изъ провинціи, чтобъ получить у васъ справку...

— А какую?

— Видите ли, процесъ у меня; тянется онъ давно, дѣтъ пять, и теперь мой защитникъ находитъ необходимымъ представить въ судъ выписку изъ послѣднѣго списка губернскаго секретаря Павла Потрохова, умершаго двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Этогъ Павла Потрохова, видите ли, служилъ у васъ до восемнадцати лѣтъ и...

— Виноватъ, вы надолго прѣѣхали?

— Нѣтъ, на день, на два; мнѣ вѣдь только бы справку...

— Значитъ, вы торопитесь?

— Тороплюсь.

— Гм... Скоро нельзя-съ!

— А почему?

— Потому!.. Вы гдѣ остановились: въ гостиницѣ, или у какихъ либо родныхъ, знакомыхъ?

— Въ отелѣ „Англетеръ“.

— Ого, гостиница изъ дорогихъ!.. Я вотъ живу въ Коломнѣ, такъ и то за три комнаты плачу сорокъ два рубля безъ дровъ...

— Да, да я слышалъ, что здѣсь квартиры очень дороги.

— Очень!..

— Такъ какъ же насчетъ справки?

— А дрова у насъ: второй сортъ шесть съ полтиной сажень!.. Вы сами изъ какого города?

— Изъ Орла.

— Скажите, какъ тамъ у васъ живутъ чиновники?

— Ничего себѣ...

— А тутъ хоть волкомъ вой! Помидуйте, ну что сдѣлать на семьдесятъ рублей жалованья?

— Хотѣлось бы того...

— Чего „того“? Говорите прямо, тутъ все свои, тутъ все можно...

— Хотѣлось бы получить сегодня же справку...

— Я понимаю, что каждому время дорого, я все понимаю, а вы вотъ нѣтъ, вы непонимаете!

— На будущей недѣлѣ разборъ дѣла, необходимо представить справку дня за три...

— Ну, конечно. Кстати, почему въ Орлѣ мясо?

— Тринадцать, четырнадцать копѣекъ.

— А тутъ подберезники шестнадцать!

— Получу я сегодня просимое?

— Вы семейный?

— Вдовецъ.

— Дѣти есть?

— Двое.

— Экъ счастливцы! У меня пять ртовъ, не считая прислугу! Побробовали бы вы прожить на мое жалованье...

— Можетъ быть я не къ вамъ обратился съ моей просьбой? Можетъ быть мнѣ надо обратиться непосредственно къ вашему начальству?

— Ну, и что же: пройдетъ полтора мѣсяца, пока вы добьетесь толка!

— Неужели?!

— Увѣрю васъ!.. Гм... вы сегодня вечеромъ дома будете?

— А что?

— Не зайти ли мнѣ къ вамъ лично по поводу справочки?

— Право, не знаю... Вдругъ я уйду или уѣду куда нибудь...

— Кстати, сколько жалованья получаетъ въ Орлѣ нынѣ?

— Рублей пять.

— Я тутъ восемь плачу! Вообще, я долженъ замѣтить вамъ, что въ Петербургѣ невозможно жить на одно жалованье.

— Вѣрю.

— И?.. Знаете ли, нѣтъ хуже, какъ имѣть дѣло съ провинціаломъ!

— Почему?

— Потому, что онъ или ничего не понимаетъ, или притворяется непонимающимъ!

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Опять двадцать пять!.. Вы гдѣ сегодня обѣдаете?

— Еще не рѣшилъ, не знаю...

— Въ „Вѣгъ“ отлочно кормятъ... Ну и у „Лейнера“ не дурно... Впрочемъ, добросовѣстно и въ трактирахъ кормятъ стали...

— Буду знать.

— Неужели вы ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ не были?

— Неприходилось...

— А въ какіе часы вы обѣдаете?

— Да какъ придется.

— Самое лучшее это въ пятомъ часу; присутствія повсюду кончаются.. служащіе свободны...

— Получу я сегодня справку?

— Я люблю больше всего „Вѣгъ“ и... если... если...

— Можетъ быть прикажете мнѣ зайти завтра?

— Зачѣмъ?

— За справкой.

— Въ ян—ва—рѣ!!

— Но...

— Въ ян—ва—рѣ; у меня дѣлъ по горло!!

Семафоръ.

Продолженіе?

ГОВОРЯТЬ.

Говорять, что на Руси вольготно жить,
Говорять, обкрадывать казну не будутъ,
Говорять, не надо, молъ, тужить,
Что заемъ миллионный все же раздобудуть.

Говорять, что «Русь» открыла школы,
Что настанетъ всюду тишина,
Говорять, не будутъ бѣдняки ужъ голы,
Говорять, для всѣхъ пришла весна.

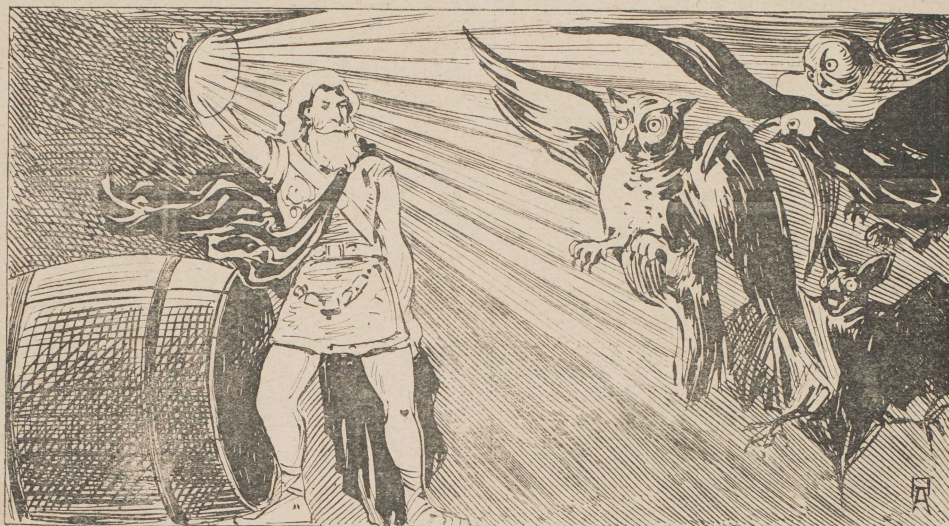
Говорять, что мы впередъ шагнули:
Заграницею и то отъ насъ отстали,
Говорять, вчера ужъ никого не дули,
Говорять, всѣ на работу встали.

Говорять, готовы всѣ реформы—
Городовой ведетъ себя прилично,
Для студентовъ нѣту прежней формы,
Гимназисты учатся отлично.

Говорять, въ газетахъ нѣту утокъ.
Говорять, что спорятъ ужъ безъ драки...
Но пора сказать безъ всякихъ шутокъ,
Что весь говоръ по сегодня враки!

М. Б.

М. Б. Григорьевъ (Маслен)

Жеможко философи.

Расчитывай только на того, кто вправѣ на тебя расчитывать.

Путь твоей жизни есть окружность, радѣсть которой ты самъ.

„Я все уже пережил!“ значить „я не прочь еще пережить“.

Ошибка людей въ томъ, что они ищутъ счастья на чужой дорогѣ вмѣсто того, чтобы искать его на своей.

Янки.

ВЪ БЕСѢДѢ.

— Сержъ, отцу помогаешь?

— О, да! Вѣдь я ему помогъ пропить родовое имѣніе!

И.

ПОМѢЩИКИ.

— Былъ у васъ разгромъ экономіи?

— Былъ.

— И васъ это не тревожитъ?

— Это тревожитъ больше моихъ кредиторовъ.

Я.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВОЗВРАТИЛСЯ. Работаю съ табачною фабрикою фирмы „А. Н. ШАПОШНИКОВЪ“. Девизъ прежній „ВСЕ ДЛЯ ПУБЛИКИ“. Сердечный привѣтъ г.г. кліентамъ и покупателямъ.

Дядя Михай.

ВСЕ ЗА ФЛАГОМЪ!!

ПО ВКУСУ И ВЫСОКОМУ КАЧЕСТВУ НАШИХЪ ПАПИРОСЪ
„ДЕССЕРТЬ“ и **„КАИРЪ“**

10 шт. 6 коп.

20 шт. 6 коп.

Табачная фабрика „А. Н. ШАПОШНИКОВЪ“. **ВѢРНО!!** *Дядя Михай.*

ГРАММОФОНЫ
А. БУРХАРДЪ
 НЕВСКИЙ 6; ОТД.: УЛ. ГОГОЛЯ 4
 КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО. С. П. Б.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ
М. М. БРодовскій.

Адресъ редакціи и конторы:
 4-я Рождественская ул., домъ № 14, кв. 8.

Типографія и переплетная Ю. А. Мансфельдъ, улица Гоголя, 9.